

ТЭФФИ

Ведьма

Надежда Тэффи

Утешитель

«Public Domain»

Тэффи Н.

Утешитель / Н. Тэффи — «Public Domain»,

Надежда Тэффи Утешитель

* * *

Мишеньку арестовали.

Маменька и тетенька сидят за чаем и обсуждают обстоятельства дела.

– Пустяки, – говорит тетенька. – Мне сам господин околоточный надзиратель сказал, что все это ерунда. Добро бы, говорит, студент, а то гимназист-третьеклассник. Пожучат, да и выпустят.

– Пожучить надо, – покорно соглашается маменька.

– А потом тоже, и пистолет-то ведь старый, его и зарядить нельзя. Это всякий может понять, что, не зарядивши, не выпалишь.

– Ох, Мишенька, Мишенька! Чужло твое сердце. Он, Верушка, как эту пистоль-то завел, так сам три ночи заснуть не мог. Каждую минутку встанет да посмотрит, как эта пистоль-то лежит. Не повернулась ли, значит, к нему дыркой. Я ему говорю: «Брось ты ее, отдай, у кого взял». И бросить нельзя – товарищи велели.

– Так ведь оно незаряжено?

– Незаряжено-то оно незаряжено, да Мишенька говорит, что в газетах читал, быдто как нагреется пистоль от солнца, так и выстрелит; и заряживать, значит, не надо. В Америке быдто нагрелась, да ночью целую семью и ухлопала.

– Да солнца-то ведь ночью не бывает, – сомневается тетенька.

– Мало что не бывает. За день разогреется, а ночью и палит.

– Не спорю, а только много и врут газеты-то. Вот наемдни Степанида Петровна тоже в газете вычитала, быдто на Петербургской стороне продается лисья шуба за шестнадцать рублей. Ну, статочное ли дело? Чтобы лисья шуба...

– Врут, конечно, врут. Им что!.. Им все равно. Что угодно напишут.

Дверь неожиданно с треском распаивается. Входит гимназист – Мишин товарищ. Щеки у него пухлые, губы надуты, и выражение лица зловещее.

– Здравствуйте! Я зашел... Вообще считаю своим долгом успокоить. Волноваться вам, в сущности, нечего. Тем более что вы, наверно, были подготовлены...

У маменьки лицо вытягивается. Тетенька продолжает безмятежно сплевывать вишневые косточки.

– Можете, значит, отнестись к факту спокойно. Климат в Сибири очень хорош, особенно полезен для слабогрудных. Это вам каждая медицина скажет.

Тетенька роняет ложку. У маменьки глаза делаются совсем круглыми, с белыми ободочками.

– Вот видите, как вы волнуетесь, – с упреком говорит гимназист. – Можно ли так... из-за пустяков. Скажите лучше, были ли найдены при обыске компром... прометиру-ющие личность вещи?

– Ох, господи, – застонала маменька, – пистоль эту окаянную да еще газетку какую-то!

– Газету? Вы говорите: газету? Гм... Осложняется... Но волноваться вам совершенно незачем.

– Может быть, газета-то и не к тому... – робко вмешивается тетенька. – Потому он на газету-то только глазом метнул, да и завернул в нее пистолет. Может быть...

Гимназист криво усмехнулся, и тетенька осеклась.

– Гм... Ну, словом, вы не должны тревожиться. Газета. Гм... Тем более что тюремный режим очень хорошо действует на здоровье. Это даже в медицине написано. Замкнутый образ жизни, отсутствие раздражающих впечатлений – все это хорошо сохраняет... сохраняет нервные волокна... Каледонские каторжники отличаются долговечностью. Михаил может дотянуть до глубокой старости. Вам, как матерям, это должно быть приятно.

– Голубчик, – вся затряслась маменька, – голубчик! Не томи! Говори, говори все, что знаешь. Уж лучше сразу!..

– Сразу! Сразу, – всхлипнула тетенька. – Не надо нас готавливать... Мы тверды...

– Говори, святая владычица. – Гимназист пожал плечами.

– Я вас положительно не понимаю. Ведь ничего же нет серьезного. Нужно же быть рассудительными. Ну, газета, ну, револьвер. Что за беда! Револьвер, гм... Вооруженное сопротивление властям при нарушении судебной обязанности... В прошлом году, говорят, расстреляли одного учителя за то, что тот очки носил. Ей-богу! Ему говорят: «Снимите очки». А он говорит: я, мол, ничего не могу невооруженным глазом. Вот его за вооружение глаз и расстреляли. Что же касается Михаила, то, само собой разумеется, что револьвер будет посерьезнее очков. Да и то, собственно говоря, пустяки, если принять во внимание процент рождаемости...

Маменька, дико вскрикнув, откидывается на спинку дивана. Тетенька хватается за голову и начинает громко выть.

В дверь просовывается голова кухарки.

– Ну, разве можно так волноваться! Ай, как стыдно! – ласково журит гимназист.

Кухарка голосит: и на ко-го ты нас...

– Ну-с, я вечером опять зайду, – говорит гимназист и, взяв фуражку, уходит с видом человека, удачно исполнившего тяжелый долг.